

## НОС И ЕГО ОБОНЯТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализируется образа носа в творчестве Н.В. Гоголя в сопоставлении с ринологическими мотивами у Лудовико Ариосто, Сирано де Бержерака, Э.Т.А. Гофмана, Уильяма Шекспира, Эдмона Ростана. Исследуются синестезия как прием описания носа, а также категория одушевленности / неодушевленности. В сопоставлении с одорологическими мотивами рассматривается проблема когнитивности. Литературное обоняние и носы связаны с идеей самостоятельного сознания, противопоставляющего себя человеческому разуму.

**Ключевые слова:** Гоголь; Гофман; Бержерак; Ариосто; Шекспир; Ростан; нос; ринология; обоняние; синестезия.

В художественной системе Н.В. Гоголя важную роль играет мифопоэтическое начало. Его особая логика в повествовании и в причинно-следственных связях отсылает нас к мифологическому образу мышления [1. С. 44]. Мотив носа является одним из наиболее характерных мифопоэтических элементов мира гоголевских произведений. Мы проанализируем ринологию в этом ключе, что поможет обозначить образ носа как особенно значимую часть тела в произведениях Гоголя. Предлагается исследование данного мотива в биологическом или физиологическом аспекте, включая изучение художественного осмысления писателем обонятельной функции.

Одним из мифологических элементов в ринологии является синестезия. Носы у Гоголя отвечают не только за обоняние, но и оказываются необходимыми для функционирования всех остальных чувств. Например: «“А нос, чувствуешь, какой холодный? возьми-ка рукою”. <...> Чичиков взял и за нос, сказавши: “Хорошее чутье”» [2. Т. 6. С. 68] («Мертвые души»). Нос коррелирует с осязанием: на ощупь можно понять, хорошо ли может различать запахи этот нос. Также он связан со слухом: «Чуткой нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами» [Там же. С. 70] («Мертвые души»); «он носом слышал, где и в каком месте всыхивало возмущение» [2. Т. 2. С. 284] («Тарас Бульба», редакция «Миргорода» 1835 г.); «<...> экипаж, в каком жиды полсотнею отправляются <...> во все города, где только слышит их нос ярмарку» ([Там же. С. 198] («Вий»)).

Зрение также входит в сферу влияния носа. Глаза гоголевских героев, как правило, не могут ничего разглядеть. Визуальный информационный источник становится доступным, только достигнув самого чувствительного органа гоголевских персонажей – носа: «“Да шашку-то”, – сказал Чичиков и в то же время увидел почти перед самым носом своим и другую» [2. Т. 6. С. 84]. Чтобы разглядеть что-либо глазами, персонажам произведения необходимо высунуть нос: «ничто не ускользало от свежего, тонкого вниманья, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный дотоле покррой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями» [Там же. С. 110]. Внимательное разглядывание, т.е. активное участие в ситуации, становится возможным и для тех, кто присутствует в комнате всего лишь в качестве портрета, если они обладают внушительными носами: «Багратион с орли-

ным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку» [2. Т. 6. С. 105]. Полную замену зрения обонянием представляет себе как совершенную идиллию Анна Андреевна: «Хочу <...> чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (Зажмуривает глаза и нюхает.) Ах! как хорошо!» [2. Т. 4. С. 83]. Мечта героини заключается во вдыхании ароматов, причем настолько интенсивных, что чтобы ощутить их, пришлось бы зажмуривать глаза. Анна Андреевна предпочитает отказаться от своих глаз и пользоваться одним носом.

Ринология замещает собой в рамках человеческого тела не только сферу чувственного восприятия, но и порой проявления любой телесности. Рассмотрим следующий пример: «Никогда не говорили они: “я высморкалась, я вспотела, я плюнула”, а говорили: “я облегла себе нос, я обошлась посредством платка”» [2. Т. 6. С. 159]. Две фразы, не являющиеся полностью синонимичными, приравнены друг к другу. Вторая фраза претендует на полное смысловое соответствие первой с одной только стилистической разницей, хотя на самом деле она отражает единственное слово из нее: «высморкалась». Так, жизнедеятельность носа представляется наиболее важной среди прочих, и, кроме того, ее наименования, в том числе эвфемистические, способны адекватно замещать обозначения любых других действий организма. Таким образом, нос, обладая способностями всех пяти чувств, а порой и замещающий собой остальные части тела, оказывается способным воспринимать информацию в любом виде.

Синестезия такого рода применима также и в другом направлении. Не только для одорологических описаний могут быть использованы слова, принадлежащие к сфере других органов чувств, но и для всего, что не связано с запахами, как, например, для абстрактных идей Гоголь применяет ольфакторные понятия. Рассмотрим следующий пример: «Господа чиновники прибегнули еще к одному средству <...> расспросить людей Чичикова, не знают ли они каких подробностей насчет прежней жизни и обстоятельств барина, но услышали тоже не много. От Петрушки услышали только запах жилого покоя» [2. Т. 6. С. 196]. Глагол «слышать», в первую очередь обозначающий процесс получения чувственной – аудиальной информации, используется в данном отрывке в различных переносных значениях. В первом случае он является синонимом слова «разузнать», во втором – «почувствовать»

запах», «унюхать» (что соотносится с предыдущим пунктом о замещении носом всех прочих органов чувств). Использование одного и того же глагола «слышать» в двух разных значениях подряд немедленно приравнивает их друг к другу и делает одорологические ощущения идентичными смысловой информации.

Тот же случай имеем и в диалоге Чичикова и Ноздрева. На вопрос о том, зачем нужны мертвые души, Чичиков отвечает, что это не его дело: «Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы *пощупать* рукой, да еще и *понюхать!*» [2. Т. 6. С. 78]. То же самое справедливо и для устойчивых словосочетаний со словами, относящимися к сфере одорологии, как, например, «пронюхать». Нюхание семантически приравнивается к получению смысловой информации. «Наконец он *пронюхал* его домашнюю, семейственную жизнь» [Там же. С. 230]. Глагол «нюхать» вообще довольно часто используется в значении «узнать». «Нет, этого мы приятелю и *понюхать* не дадим» [Там же. С. 128]. В этой связи следует вспомнить Меджи из «Записок сумасшедшего», которая нюхает ленточку, поднесенную хозяином, и оценивает исключительно ее одорологические свойства: «За столом папа был так весел <...> а после обеда поднял меня к своей шее и сказал: “А посмотри, Меджи, что это такое”. Я увидела какую-то ленточку. Я *нюхала* ее, но решительно не нашла никакого *аромата*; наконец, потихоньку, *лизнула*: соленое немного» [2. Т. 3. С. 202]. Нужно заметить, Меджи, а заодно и все «пронюхивающие» персонажи Гоголя действуют в точности так же, как мартышка обходится с очками в басне Крылова: «то их понюхает, то их полижет».

Чичиков, пытаясь найти среди гостей нужную барышню, в первую очередь также прибегает к обонянию: «Чичиков, стоя перед ними, думал: “Которая, однако же, сочинительница письма?” и *высунул было вперед нос*» [2. Т. 6. С. 164]. Кроме того, с точки зрения героев зачастую оказывается, что возможность восприятия запаха объекта означает превосходную степень познания этого объекта, например: «“Вот суконцо”. <...> купец поднес Чичикову к самому носу, так что тот мог *не только погладить* рукой шелковистый лоск, но *даже и понюхать*» [2. Т. 7. С. 99]. Очевидно, что персонаж у Гоголя может быть вполне удовлетворен исследованием предмета только в том случае, если он получит непосредственный доступ к нему и к его запаху. Этот тезис также возвращает нас к идее о мифологическом типе мышления, готовом оперировать только элементами материальной стороны мира.

Способность быть чутким, осторожным также связана с чувствительностью носа. Городничий в «Ревизоре» определяет себя как невнимательного человека с помощью слова «толстоносый» [2. Т. 6. С. 93] – сконструированного по аналогии с прилагательным «толстокожий». В мире гоголевских произведений главную роль в коммуникации человека с миром исполняет нос. Соответственно, «толстоносый» окажется более точным словом, чем «толстокожий». Те же коннотации можно наблюдать в циклах «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». Один из таких примеров ринологически низкой степени душевного сочувствия: «Куда же ты запрятал *дурацкие глаза* свои <...> ему

хоть бы тут же, перед его *запачканным в табачище носом*, нанесли жинке его бесчестье, ему бы и нуждочки не было» [2. Т. 1. С. 119].

Как мы видим, через фантастические носологические образы, среди прочего, раскрывается проблема когнитивности. Нос сопоставляется с категорией знания и у Э.Т.А. Гофмана, произведения которого могут считаться одним из ринологических источников произведений Гоголя: «...die Equipage der Fee Mab <...>, die der wackre Merkutio in Shakespeares “Romeo und Julie” so schön beschreibt, daß man wohl merkt, wie oft sie ihm selbst *über die Nase* gefahren» [13] (экипаж феи Мэб, который славный Меркуцио у Шекспира в «Ромео и Джульетте» так прекрасно описывает, что можно подумать, будто тот часто катался *по его собственному носу*). В рассказе «Повелитель блох» блошиное войско сравнивается с экипажем крошечной феи Мэб из монолога Меркуцио [3], по словам которого она разезжает по носам спящих людей и вызывает их сновидения. Таким образом, ссылаясь на Шекспира, Гофман не только помещает сюжет рассказа в ринологический контекст концепта сна, но и обыгрывает архетипическую связь носа и мотива познания: в соответствии с приведенным отрывком Меркуцио мог знать о фее потому, что испытал ее воздействие на собственном носе. Кроме того, в соответствии с упомянутой Шекспиром легендой о ездящей по носам Мэб нос представляется прямым путем в мозг человека – туда, где и хранятся знания: «she gallops night by night / Through lovers' brains» [4] (ночь за ночью она галопом несется сквозь мозг влюбленных).

Тот же сопутствующий ринологии мотив когнитивности встречается и в произведении Сирано де Бержерака «Государства и империи Луны»: «Мне, к счастью, попалось одно из тех яблок <...> и едва моя слона смочила его, как тотчас же *всемирное знание ударило меня прямо в нос*; мне показалось, что бесконечное количество мелких глазков открылось в моей голове, и я *познал*, как говорить с богом» [5. С. 56]. Обитатель Луны, соответственно, развивает заложенную в библейском сюжете идею об идентичности восприятия материального и духовного. Если Адам и Ева попробовали яблоко на вкус, то Илия из произведения Бержерака ощутил «всемирное знание» носом.

В рассмотренных случаях нос выступает в качестве главного средства общения с окружающим миром, что соотносится также с представлениями первобытных людей о запахах, которые использовали благовония и сожженные жертвы для того, чтобы общаться с богами.

Принимая во внимание рассмотренные выше примеры из нескольких произведений, свидетельствующие о всеобъемлющей способности носа к получению любых форм информации, можно прийти к заключению, что в мире художественной литературы нос представляет собой самостоятельно функционирующее одушевленное существо. Сюжет повести Гоголя «Нос», где ожившая часть тела превратилась в самостоятельного человека, в концентрированном виде реализует персонализацию такого рода. Поэма «Мертвые души» также обнаруживает связь ринологических мотивов с темой одушевления. К написанию «Мертвых душ» Гоголь приступил осенью 1835 г., чему предшествовало завершение текста первой

редакции повести в начале того же года. В 1841–1842 гг. Гоголь перерабатывает финал повести. К этому времени были написаны первые главы «Мертвых душ». Таким образом, одновременная работа над повестью «Нос» и начальными главами поэмы не могла не проявиться в общности мотивов в произведениях.

Рассмотрим на конкретных примерах средства персонификации понятий из сферы ринологии. В глазах персонажей поэмы «Мертвые души» нос является определяющей чертой человека. Оценивая личность, люди смотрят исключительно на нос. К примеру, обсуждая Чичикова, «просто приятная дама» замечает: «Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос...» [2. Т. 6. С. 182]. Не только внешний вид, но и звучание носа может стать характеристикой для человека. При первом описании Чичикова указывается, что он «имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко» [Там же. С. 110]. Из данного примера видно, что нос представляется одушевленным с помощью не только семантических, но и грамматических средств. Будучи подлежащим, слово «нос» стоит в предложении с глаголом в активном залоге: он «звучал как труба». Звучащие носы ярко проявляют себя также в тесно связанной с ринологическими мотивами теме – теме сна. Пример: «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку» [Там же. С. 12]; «...заехать к Сопикову и Храповицкому, что означает всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с храпами, носовыми свистами» [Там же. С. 190].

Ассоциативно-семантическая пара «нос и сон» соотносится у Гоголя не только в связи с тем, что они являются палиндромами друг друга, но и в связи с храпом как активной деятельностью носа. Это укладывается в принцип одушевленности носа. Спящее тело неподвижно и не принадлежит себе, во сне нос издает звуки помимо воли и вопреки сознанию своего обладателя и, соответственно, проявляет себя как живущий и действующий самостоятельно. У птиц носы тоже вытесняют своих обладателей. Стук дрозда, живущего в клетке у Собакевича, производится не дроздом, а его носом. Это достигается тем, что грамматически предложение снова выстраивается так, что нос оказывается действующим субъектом: «раздавался только стук, производимый носом дрозда о дерево деревянной клетки, на дне которой удил он хлебные зернышки» [2. Т. 6. С. 96]. Придаточное предложение также позволяет думать, что хлебные зернышки удил не сам дрозд, а именно его нос.

Активность носов в поэме проявляется, в том числе, в их фантастической подвижности. При этом акцент на способности носа совершать самостоятельные движения может быть поставлен и методом от противного. Пример: «Феодулия Ивановна уселась на диване <...> и уже не двинула более ни глазом, ни бровью, ни носом» [Там же. С. 96]. Если автор счел нужным заметить, что Феодулия Ивановна в определенный момент носом не двинула, это значит, что она могла бы поступить и наоборот, несмотря на то что выражение «двинуть носом» может и не вполне соответствовать реальной человеческой мимике.

Персонификация неодушевленных объектов, и в частности носа, характерна для архаичного сознания. Помимо этого ему присуще приписывание манипулирующих свойств всему, что относится к сфере ольфакторики. Как отмечает исследователь-социолог Юрген Рааб, механизм воздействия запахов на обонятельные рецепторы долгое время оставался тайной, поэтому колдуны и шаманы использовали запахи в своих заклинаниях и обрядах. Запахи приобрели магическое и сакральное значение, стали главным носителем воздействующих свойств [6. С. 69].

Можно предположить, что у Гоголя данная черта мифологического мировоззрения проявляется в указаниях на контролирование носами жизненных процессов их обладателей. Это можно увидеть в следующем примере: «Мухи <...> все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норвила как бы усесться на самый глаз, ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к носовой ноздре, он потянул вприсонках в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть – обстоятельство, бывшее причиной его пробуждения» [2. Т. 6. С. 47]. Нос оказался единственной частью лица, отреагировавшей на мух, потому что в произведениях Гоголя он живет отдельно от человека, и сон не влияет на его деятельность. Кроме того, нос сам решает за своего обладателя, сколько ему спать: Чичиков просыпается, когда он чихает. Нос оказывается контролирующей организм субстанцией и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «“Нечего делать, прочитайте, Тарас Тихонович”, сказал судья <...> с видом неудовольствия, причем нос его неволью понюхал верхнюю губу, что обыкновенно он делал прежде только от большого удовольствия. Такое самоуправство носа причинило судье еще более досады» [2. Т. 2. С. 252].

Удовлетворение неожиданно возникающих потребностей носа в табаке может не согласовываться с желанием человека и в произведениях Э.Т.А. Гофмана: «Unglücklicherweise habe sie, die Alte, jetzt etwas Tabak genommen und stark geniesset» [3] (к несчастью, в этот момент старуха вдохнула табак и громко чихнула). Именно в то время, когда подглядывающей в замочную скважину героине сказки «Повелитель Блох» нужно остаться незамеченной, ее нос требует табака, и она незамедлительно выполняет его требование в ущерб себе. Осознающий подобное неумное стремление носов к безраздельной власти Гофман уже в виде сапожника в повести Гоголя «Невский проспект» готов выполнить просьбу жестянщика Шиллера: «Я не хочу носа! Режь мне нос!» [2. Т. 3. С. 38]. Гофман едва не отрезает нос, потому что содержать его и потакать его прихотям слишком дорого, на него «выходит три фунта табаку в месяц» [Там же. С. 37].

Никакая другая часть тела не обладает такой властью над человеком, как нос. Логически с этим тезисом соотносится устойчивое выражение «водить за нос». Получить доступ к управлению чьим-либо носом достаточно для того, чтобы иметь возможность управлять самим человеком. Пример: «Первый генеральский секретарь, постигнувший совершенно управленье генеральским носом <...> ничего решительно не мог сделать. Генерал был такого рода человек, которого <...>

водили за нос» [2. Т. 6. С. 233]. Гоголевские носы часто вообще выходят из-под контроля его обладателей, как, например, в следующем случае: «стоявший позади лакей утер посланнику *нос* <...> иначе бы *канула в суп препорядочная посторонняя капля*» [Там же. С. 31].

М.Я. Вайскопф называет нос Петровича из повести «Шинель» «главным двигателем мистического мира» [7. С. 90]. Портной Петрович – самое могущественное лицо в произведении, в пользу чего говорят, в том числе, его фантастические размеры. Вайскопф приводит замечание Эйхенбаума об огромных ногах этого персонажа, в подтверждение чего в тексте Гоголя сказано, что «прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем» [2. Т. 3. С. 149]. Размеры Петровича, по словам Вайскопфа [7. С. 89], обрисовывает и его носовой платок, в который поместилась свернутая шинель («Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления» [2. Т. 3. С. 156]), и впечатлившая Акакия Акакиевича табакерка – атрибуты именно носа, которые указывают на влияние его обладателя. Таким образом, сила и способности персонажа в гоголевском мире проявляются, прежде всего, через его нос. Волшебный носовой атрибут, в который может вместиться верхняя одежда, имеет место и в сказке Э.Т.А. Гофмана «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер»: «*Fabian tat es und aus der Dose quoll ein herrlich gemachter schwarzer Frack von dem feinsten Tuche hervor*» [8. С. 104] (Фабиян открыл *табакерку*, и из нее выскочил отлично сшитый черный *фрак* тончайшего сукна).

Людмила Зайонц сделала в своей статье интересное замечание, которое иллюстрирует тезис о том, что нос в произведениях Гоголя имеет влияние над его обладателем и руководит его поступками. Исследователь отмечает этот факт относительно Поприщина из повести «Записки сумасшедшего» [9. С. 369]. Персонажа в погоне за объектом обожания больше всего восхищают обонятельные ощущения: «Святые, какой платок! тончайший, батистовый – *амбра, совершенная амбра!* так и *дышит* от него генеральством» [2. Т. 3. С. 197]. При этом наиболее тяжелые испытания выпадают также на долю носа: «кинулся со всех ног, подскользнулся на проклятом паркете и *чуть-чуть не расклеил носа*» [Там же. С. 197]; «из-под ворот каждого дома *несет такой ад, что я, заткнув нос*, бежал во всю прыть» [Там же. С. 200]; «Собачонка <...> *чуть не схватила меня зубами за нос*» [Там же. С. 201]; «по всей земле *вонь страшная, так что нужно затыкать нос*» [Там же. С. 212]. Таким образом, нос, а не его обладатель, ставит цели, определяет стратегию поведения и преодолевает сложности ради их достижения.

Носы не только перехватывают власть над человеком и определяют его мощь – их недостатки или вообще полное отсутствие, как в повести «Нос», делают его нежизнеспособным. Безносые существа у Гоголя беспомощны, как, например, в данном случае: «“Прощайте, миленькие малютки!” – сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже *не было ни руки, ни носа*» [Там же. Т. 6. С. 38]. Деревянный гусар детей

Манилова – безжизненная кукла – является проекцией Ковалева, потерявшего контроль над своим носом и не умеющего жить без него. Еще один несчастный гусар в поэме «Мертвые души» – это Плюшкин с его деревянным лицом. Как и кукла маниловских детей, Плюшкин страдает от носового изъязнения. Его нос не в состоянии даже удержать нюхательный табак, т.е. не самостоятелен и не деятелен, как носы в подавляющем большинстве случаев у Гоголя: «“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!” вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него *из носа выглянул весьма некартинно табак*, на образец густого кофея...» [2. Т. 6. С. 123].

Обладая разнообразными свойствами, присущими живому существу, носы в произведениях Гоголя в то же время являются в крайней степени предметными субстанциями. Способность гоголевских носов быть сразу и субъектом, и объектом наглядно представлена в повести «Нос». Лотман говорит о том, что «нос входит в два типа пространства» [10. С. 439–440], в одном из которых нос предметен, а во втором – обладает одушевленностью. Кажущийся субъектом, имеющий лицо и даже пальто, нос майора Ковалева в то же время может белеться как нечто плотное в хлебе и падать со звуком пробки на стол, словом, проявлять себя как материальный предмет. Та же ситуация наблюдается и в поэме «Мертвые души».

Упоминания носов часто сопровождаются выразительным пластическим и осязательным описанием. Так, в «Мертвых душах» можно встретить множество случаев, где носу уделяется главное внимание при характеристике героев. Нос как объект, поглощающий запахи или табак, соотносится со ртом и губами. Большинство персонажей, обладающих большими носами, выделаются также и характерными губами. О том, что лакей Петрушка имеет крупный нос и губы, Гоголь с настойчивостью сообщает на протяжении текста поэмы: «Лакей Петрушка <...> малый немного суровый на взгляд, *с очень крупными губами и носом*» [2. Т. 6. С. 8]; «Петрушка <...> имел, по обычаю людей своего звания, *крупный нос и губы*» [Там же. С. 19]. О лице Собакевича говорится следующее: «Натура <...> просто рубила со всего плеча,хватила топором раз – вышел нос,хватила в другой – вышли губы, большим сверломковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: “живет!”» [Там же. С. 95]. Его нос и губы такие же выдающиеся, как у Петрушки, при этом глаз в буквальном смысле нет – вместо них «проковыренные» пустоты. С одними губами и носом оказывается и Манилов: «У Манилова от радости *остались только нос да губы* на лице, глаза совершенно исчезли» [Там же. С. 140]. Выдающиеся качества носа могут обнаруживаться и в других, еще более ярко окрашенных выражениях: «*Вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос*, словом, это было то лицо, которое называют в общежитии кувшинным рылом» [Там же. С. 143].

Предметность носа подчеркивается и фразой «носовые ноздри», создающей выразительный пластический образ. Впечатление от носов может создаваться и с помощью смысловой избыточности. Характерным для поэмы является выражение «носовые ноздри»: «Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым <...> че-

рез *носовые ноздри*» [Там же. С. 35]. Тот же случай встречается в следующем примере: муха «имела неосторожность подсесть близко к *носовой ноздре*» [Там же. С. 47].

Такие неоднозначные характеристики, изображающие нос то как осязаемый предмет, то как самостоятельное существо, вписываются в принципы мифологического мировосприятия, для которого свойственно понимание окружающего мира как непрерывной метаморфозы, присвоение свойств одних объектов другим.

Нос в произведениях Гоголя испытывает неизменное отвращение к капустному запаху. При этом с капустой зачастую сравниваются и головы, на которых находятся брезгливые носы. Таким образом, нос, будучи частью человека, парадоксальным образом отвергает своего носителя, противопоставляя себя ему одорологически.

Примечательно, что этот сюжет подкрепляется фактами из физиологии. Мозг устроен так, что отдел, отвечающий за обоняние, функционирует отдельно от остальных четырех. Зрительная, звуковая, мышечная и вкусовая информация, прежде чем попасть в корковый отдел головного мозга, где происходит высший синтез ощущения, нуждается в обработке, поэтому сначала она попадает в область мозга, называемую «таламус» [11. С. 83]. Единственный комплекс нейронов, минуящий таламус, отвечает за передачу обонятельной информации [12]. При этом обработка сигналов о запахе происходит в лимбическом отделе, который также называется обонятельным мозгом. Этот отдел относится к наиболее древним отделам у млекопитающих. Первоначально он занимал большую часть мозга и исполнял функцию безупречного обонятельного распознавания и контроля всех поведенческих механизмов млекопитающих: пищевого, полового, оборонительно-го инстинктов.

Вместе с эволюционным развитием мозг приобрел более сложную структуру и новые отделы. У современного человека лимбический отдел по-прежнему отвечает за реализацию основных биологических потребностей и восприятие запахов. При том что в обонянии он проигрывает мозгу других млекопитающих, он получил новую функцию: организация эмоционального поведения, которая происходит в первую очередь на уровне подсознания [11. С. 87]. С такой в некотором роде обособленностью обонятельного центра связано и то, что запахи не подлежат мысленному конструированию: их обработка лежит за пределами сознания. Человек, никогда не слышавший тот или иной запах, не сможет его себе представить (в отличие от звуковых и визуальных образов) [13. С. 32].

Такое положение обонятельного центра в общей структуре мозга вполне соответствует ринологическому сюжету, в котором нос независим и стремится уйти от своего хозяина. Как и лимбический отдел, связанный с функционированием подсознания, литературные носы обладают самостоятельностью в поведении. Поэтому логичным выглядят их стремление к самостоятельности и склонность к противопоставлению себя системе, к которой они принадлежат. Пропавший нос майора Ковалева представляется его отделившимся подсознанием – неконтролируемой частью его лично-

сти, которая превращается в независимого человека. Данный тезис соотносится с замечанием С.Г. Бочарова о том, что отделившийся нос в повести утрачивает свойства «живой человеческой плоти» [14. С. 129].

В «Записках сумасшедшего», очевидно, из брезгливости к человеческому телу и желания отделиться от своих неразумных хозяев, носы также предпочитают существовать без людей: на Луне. Ум и обонятельные категории стоят в одном ряду и в поэме Л. Ариосто «Неистовый Роланд». Один из ее персонажей обнаруживает, что разум человека существует опять же не в мире людей, а хранится в газообразном состоянии в сосудах на Луне:

Здесь <...> пришел он к тому добру,  
О котором мы и не молим Господа,  
Слишком веря, что оно-то при нас:  
*Это здравый смысл,*  
Здесь гора его больше всего прочего.  
*Он – как влага, тонкая и летучая,*  
*Не замкнешь, так истает в пар,*  
*И позамкнут в нарочитых сосудах.*  
<...> Здесь *мозги* пустых мудрецов,  
Звездочетов, а пуше стихоплетов.

[15. С. 182].

В поэме «Неистовый Роланд» мозг и разум оказываются газом – одорологической субстанцией. Таким образом, устанавливается прямая связь между интеллектом и обонянием. Более того, человеку, чтобы обрести свой мозг, необходимо воспользоваться носом – пар нужно вдохнуть:

Астольф поднял с земли свой добрый ум,  
*Взнес сосудец к носу*  
*И вздохнул* и стал не то, что был:  
Турпин сказывает,  
Что *отныне он жил куда умней.*

[15. С. 183].

В произведениях Гоголя нос и обоняние стремятся к тому, чтобы заместить все остальные чувства и словно вернуться в то древнее состояние, когда обонятельный отдел мозга определял поведение его обладателя. С этим фактом увязываются и принципы расстановки приоритетов в мире произведения «Государства и империи Луны»: «Вот человек умный, осторожный, учтивый, приветливый, благородный, щедрый; *маленький же нос – признак противоположных пороков.* Вот почему из курносых у нас делают евнухов: республика предпочитает не иметь детей, чем иметь таких, которые были бы на них похожи» [5. С. 127–128]. Обитатели Луны отбирают людей по принципу наличия у них большого носа, объясняя это тем, что он – показатель ума. С этим соотносится факт физиологии о том, что в головном мозге обонянию уделен целый отдел, и, исходя из такой логики, получается, что большие размеры носа коррелируют с высоким уровнем интеллекта.

В мифологическом сознании обоняние и запахи методически уравниваются и способность постигать запахи идентифицируется с запахом. Похороны на Луне у Бержерака напоминают жертвоприношение: «Здесь сжигают всех, кроме преступников <...> тепло, исходящее из пламени, при *сожжении* по симпатии привлекает то естественное тепло, которое составляло *душу умершего*, и дает ей силу <...> достигнуть какого-нибудь светила, представляющего собою землю, обитаемую другим наро-

дом, более бесплотным и более интеллектуальным» [5. С. 125–126]. При сожжении тела запах и приравненный к нему дух, т.е. обоняние, поднимаются вверх, к другой планете, обитаемому объекту в космосе, лучшему, чем тот, на котором человек жил (в соответствии с отрывком о Луне в «Записках сумасшедшего» и произведением Сирано де Бержерака, там обитают более деликатные и умные создания – носы). Там он превращается в более совершенное существо, что подтверждает, что нос, запах и обоняние на Луне относят к лучшей части человека – «более бесплотной и более интеллектуальной». Нос оказывается продолжением мозга. Наиболее важной частью мозга считается та, что отвечает за обоняние. Идея Бержерака о большом носе как признаке большого ума развивается в произведении Ростана «Сирано де Бержерак»:

Ни от кого не прячась,  
Мой нос свидетельствует с гордой вышины  
О храбрости, уме и тысяче тех качеств,  
Которых вы, к несчастью, лишены.

[16. С. 48].

Таким образом, в плане «биологического» воплощения нос функционирует у Гоголя в виде отдельно существующей части тела, т.е. как самостоятельный персонаж. Это проявляется в приеме синестезии: обонянием в ряде произведений заменяется любое другое из четырех чувств организма. Носы готовы взять на себя когнитивную функцию человеческого сознания. Этот мотив обнаруживается также в сказке Э.Т.А. Гофмана «Повелитель блох», в упомянутой в ней же трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» и в произведении Сирано де Бержерака «Государства и империи Луны». Кроме того, носы как отдельно живущие существа показываются через значимую для них категорию «одушевленности / неодушевленности». И, наконец, самостоятельность образа носа Гоголь подчеркивает, уравнивая его с человеческим сознанием. Мотив приравнивания носа и связанного с ним чувства обоняния к сознанию и интеллекту встречается также у Бержерака, Лудовико Ариосто, Эдмона Ростана.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривонос В.Ш.* Фольклорно-мифологические мотивы в «Петербургских повестях» Гоголя // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 1996. Т. 55, № 1. С. 44–54.
2. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
3. *Hoffmann E.T.A.* Meister Floh. Projekt Gutenberg-DE // SPIEGEL ONLINE. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/3115/3>
4. *Shakespeare W.* Romeo and Juliet. The Literature Page. URL: [http://www.literaturepage.com/read/shakespeare\\_romeoandjuliet-19.html](http://www.literaturepage.com/read/shakespeare_romeoandjuliet-19.html)
5. *Бержерак С.* Государства и империи Луны. СПб. : Азбука-классика, 2005. 256 с.
6. *Raab J.* Die soziale Konstruktion olfaktorischer Wahrnehmung. Eine Soziologie des Geruchs. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Sozialwissenschaften an der Universität Konstanz: 1998. 327 s.
7. *Вайсзонф М.Я.* Птица-тройка и колесница души. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 568 с.
8. *Гофман Э.Т.А.* Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер. На нем. и рус. яз. М. : Радуга, 2002. 272 с.
9. *Зайонц Л.* Писал писачка, а имя ему собачка (К происхождению субтекста в «Записках сумасшедшего» Гоголя) // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт : в 2 ч. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 357–376.
10. *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. С. 413–447.
11. *LeDoux J.E.* The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life. N.Y. : Phoenix, 1998.
12. *Гриндер Дж., Бэндлер Р.* Структура магии. Т. 2. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/StrukturaMagii2/11.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/StrukturaMagii2/11.php)
13. *Горин С.* А вы пробовали гипноз? СПб. : Лань, 1995. 208 с.
14. *Бочаров С.Г.* Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М., 1985. С. 124–160.
15. *Ариосто Л.* Неистовый Роланд. Песни XXVI–XLVI. М. : Наука, 1993. 544 с.
16. *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. М. : Азбука-классика, 2009. 304 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2013 г.